

Е.В. Самушкина

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: khakassie@yahoo.com

Массовые праздники Ойротской автономной области 1920–1930-х годов: проблема формирования этнической идентичности алтайцев

Статья посвящена анализу праздничной культуры в Ойротской автономной области в 1920–1930-е гг. Источниками для исследования послужили архивные документы, материалы периодической печати. Становление и трансформация праздничного календаря рассматривается в контексте формирования национальной и общесоветской гражданской идентичности алтайцев. В ходе анализа праздничных кампаний выявлена идентификационная, коммуникативная и дидактическая функция праздников. Доказано, что праздники являются частью политики по формированию культурной памяти населения региона. Выявлены основные идеологемы, транслируемые в ходе праздничных кампаний. Показано, что, несмотря на слабый учет специфики праздничного календаря кочевников, каждое мероприятие имело свои особенности. При проведении праздничной кампании ориентировались на обряды и ритуалы, проводимые в данный временной период, или на событие, вокруг которого строились торжества. Отмечен противоречивый характер образа традиционной культуры, сформированный советской властью. С одной стороны, в контексте антиколониальной риторики советская власть выступала за развитие самобытной этнической культуры, ее символических форм. С другой стороны, элементы традиционной культуры рассматривались идеологами как часть «темного» прошлого, синоним невежества и отсталости. Показано, что, несмотря на разрыв с прошлым, при формировании праздничного канона использовались элементы традиционной праздничной культуры алтайцев. Ярким примером интегративной стратегии служит Праздник урожая. Он был органично вписан в календарные обряды осеннего цикла, затем трансформировался в День пастуха и существует до сих пор. В данном празднике сочетаются традиционная и советская праздничные модели.

Ключевые слова: идентичность, национальная политика, праздничная культура, символы, культурная память, алтайцы, праздничный календарь.

Ekaterina V. Samushkina

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: khakassie@yahoo.com

Mass Festivities in the Oyrot Autonomous Oblast in the 1920s and 1930s: Development of the Altai Ethnic Identity

This article focuses on the analysis of the festive culture in the Oyrot Autonomous Oblast in the 1920s and 1930s. The sources for the study are archival documents, periodical press materials. The establishment and transformation of the festive calendar was examined in the framework of the formation of the ethnic and Soviet civic identity of the Altaians. During the analysis of holiday campaigns, the identifying, communicative and didactic function of holidays was revealed. It has been proven that holidays are part of the policy to form the cultural memory of the region's population. We have identified the following ideologemes surrounding these events. It is shown that despite the insufficient inclusion of the specifics of the nomadic festive calendar, each event had its own specifics. During the holiday campaign, they focused on ceremonies and rituals performed during a given time period, or on the event around which the celebrations were held. The contradictory character of the traditional cultural image formed by the Soviet power was noted. On the one hand, in the context of anti-colonial rhetoric, the Soviet authorities advocated the development of distinctive ethnic culture and its symbolic forms. On the other hand, elements of traditional culture were viewed by ideologues as part of a "dark" past, synonymous with ignorance

and backwardness. It is shown that, despite a break with the past, elements of the traditional Altai holiday culture were used in the formation of the festive canon. A striking example of an integrative strategy is the harvest festival. It was organically inscribed in the calendar rites of the autumn cycle, then transformed into the day of the "Shepherd's day", and still exists today. In this festival, traditional and Soviet holiday models are organically combined.

Keywords: *identity, national policy, holiday culture, symbols, cultural memory, Altaians, holiday calendar.*

После завершения гражданской войны в сибирском регионе началось строительство нового общества. С одной стороны, властью была поставлена цель по формированию у населения гражданской советской идентичности, с другой – шел процесс создания и актуализации этнической идентичности. В стране в 1920-е гг. был выделен ряд автономий по этническому признаку, этому фактору уделялось большое внимание при интеграции, вовлечении этнических меньшинств в жизнь Советского государства.

Праздничная культура стала одной из форм конструирования, трансформации культурной памяти социальных групп. В праздничном ландшафте происходила выработка новых символов, передача смыслов и закрепление идентичностей. Вводя свой праздничный календарь, советская власть демонстрировала контроль над социальным порядком, структурировала социальные отношения, временное пространство. Праздники должны были упорядочить календарный год, учитывая политические изменения, произошедшие в государстве. Эти дни становились периодом активной трансляции новых символов и ценностей. Тем самым конструировалась культурная память сообщества. В Ойротской автономной области в 1920–1930-е гг. во время подготовки и проведения праздничных мероприятий осуществлялась бурная деятельность по продвижению основных положений советской национальной политики по отношению к представителям коренного тюркоязычного населения региона. При этом кампании по случаю той или иной важной даты имели свою специализацию в зависимости от особенности праздника, его места в календарном году.

Как и во всей стране, идеологи, решая задачу по интеграции различных регионов, социальных групп в единое символическое пространство страны, предложили знаковые события. Они фиксировались в Кодексе законов о труде 1918 г., маркировали важные исторические даты: Новый год, Кровавое воскресенье, низвержение самодержавия, день Парижской Коммуны, день Интернационала, день Пролетарской Революции. Их дополняли праздники важные, но не являвшиеся выходными днями – Международный женский день, День Красной армии, День урожая и коллективизации.

Главным, центрообразующим событием была годовщина Октябрьской революции. Эта праздничная дата отмечалась в Ойротской автономной области с наибольшим размахом. В ходе подготовки и проведения торжественного мероприятия особое внимание уделялось показу преимуществ национальной политики советской власти по отношению к коренному тюркоязычному населению региона, формировались образы прошлого алтайцев, в ходе митингов и шествий демонстрировалось символическое сплочение трудящихся масс автономии. К 1930-м гг. был создан пантеон героев, погибших в годы революции и гражданской войны в борьбе за дело революции (Госархив СПД РА. Ф. Р-91. Оп. 1. Д. 17).

Пристальное внимание в Ойротской автономной области уделялось 8 марта – Международному дню работниц и крестьянок. С первых лет образования автономии на страницах региональной прессы, в общественных пространствах г. Улалы, а также отдаленных аймаков велась работа по пропаганде ценностей советской власти среди представительниц тюркоязычного населения региона. К важному событию были приурочены областные женские конференции, массовые общепартийные кампании с привлечением как можно большего количества алтайских женщин [8 Марта..., 1924, с. 1; Как живет..., 1926, с. 2].

Лозунги отражали общее настроение мероприятий, задавали ценностные ориентиры: «Работницы и крестьянки путем активного участия в советах и хозяйственной жизни страны – к раскрепощению и улучшению своего труда и быта»; «Женщина алтайка! Твое раскрепощение лежит в союзе с русской работницей и крестьянкой!»; «В сегодняшний день – праздник всех трудящихся женщин – скажем дружно: Вперед! Из темноты и бедности, вперед к новой лучшей и чистой жизни!» [Там же].

Среди главных вопросов, обсуждаемых в ходе кампаний, приуроченных к 8 Марта, в районах проживания этнических меньшинств на Алтае, можно выделить следующие: социальное и правовое неравенство алтайских женщин, низкий уровень участия в общественной жизни, отсутствие образования и слабые представления о гигиене, большая загруженность и низкая эффективность труда, косность мышления, связанная с глубокой вовлеченностью в традиционную культуру. Одной из основных причин такого положения представи-

тельниц этнических меньшинств виделся кочевой образ жизни.

В общественном пространстве формировался образ женщины, веками закабаленной и бесправной. На страницах прессы к Международному женскому коммунистическому дню появлялись портреты героинь праздника. С течением времени их описание трансформируется. В 1920-е гг. акцент в их представлении делался на темном прошлом жительниц Алтая, на их печальном состоянии в настоящем вследствие политики царского режима. Указывалось на двойной порядок подчинения: со стороны властных институтов и в семейном кругу. Их жизнь описывалась как трудная и полная тяжелой работы и лишений: «Тяжела жизнь алтайки. Зимой и лето живут в аилах из составленных конусообразных жердей, покрытых лиственной корой. Ветер гуляет кругом... Не удивительно, что алтайцы вымирают. Ведь только крепкие организмы смогут перенести все зимние невзгоды, и дети, родившиеся зимой, почти все погибают... Тяжела жизнь алтайки. Ходи за скотом, размалывай зерна ячменя для талкана и вари его, готовь чигень, и арачку, и сырчики, таскай на себе дрова в аил, выдělывай овчины, шей одежду для всей семьи. А к этому еще сильная бедность в алтайских семьях – на ребятишек нет рубашек, и не на что их купить, зимой голодно в холодном аиле, когда не доится скот. Тяжело жить. Так нельзя все время жить» (Госархив СПД РА. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 382. Л. 4, 21).

В 1930-е гг. описания печального прошлого представительниц этнических меньшинств сохраняются, но на первый план выходит тема перехода от старой жизни, проводимой в отсталости и бескультурье, к новой – с участием в строительстве социализма, возможностью учиться, заниматься воспитанием здоровых детей.

Особое внимание в рамках праздничных мероприятий уделялось работе среди молодого поколения. Наряду с вечерами и играми предусматривались мероприятия просветительского и воспитательного характера. В ходе уроков, посвященных Международному женскому дню, учителям было рекомендовано представить тяжелую жизнь женщин при зайсанах, сопоставить жизнь и хозяйство у кочевников и в колхозах, рассказать о положении девочек и женщин в религиозно настроенной семье (Госархив СПД РА. Ф. 55. Оп. 1. Д. 114. Л. 147). Рекомендовалось заострить проблему подчиненного положения женщин, невежества их в вопросах гигиены и здоровья, порожденных, согласно пропагандистам, в т.ч. влиянием на них «попов и камов».

Отдельным пунктом праздничных кампаний стояло осуждение брачных обычаев: умыкания

невесты, ее выкупа, свадьбы несовершеннолетних детей, многоженства. В местной прессе данные социальные практики именовались «бытовыми восточными преступлениями». Негативную оценку получала практика левирата, которую также призывали искоренить [Женщина..., 1924, с. 2; На борьбу..., 1924, с. 2]. К концу 1920-х – 1930-е гг. традиционные брачные институты и практики, а также сложившиеся в рамках них гендерные роли вписывались в кампании по борьбе с родовыми институтами и расценивались в качестве «родовых обычаев и предрассудков». Так, например, в заметке писалось: «Родовой быт крепко вскоренился в среде алтайцев... Женитьба и выдача замуж малолетних, умыкание, калым, многоженство – все это особенно сильно бьет по алтайке... В жизни алтайка – раба. Ее насильно выдают замуж, воруют, покупают. В хозяйстве алтайца она – рабочая сила... Даже теперь быт алтайки мало чем отличается от прошлого» [Бекин, 1929, с. 3].

Еще одним символом бесправия и «некультурности» алтайской женщины был представлен чегедек. Именно этот элемент одежды замужней женщины, по аналогии с паранджой, был выбран мишенью идеологической борьбы и нападок. Партийные работники на местах организовывали мероприятия по развенчанию ценностей традиционной культуры, инициируя публичные снятия чегедек, а в ряде случаев и их уничтожение. Однако надо отметить, что подобные действия вызывали негативную реакцию среди населения. Кампании по уничтожению продолжались практически до 1970-х гг. А уже в конце XX – начале XXI в. этот предмет женского гардероба выступал символом этнической идентичности алтайцев и их борьбы за сохранение своей традиционной культуры.

Таким образом, во время праздничных мероприятий, с одной стороны, транслировался самобытный образ женщины-алтайки, администраторам на местах вменялось учитывать этнические особенности как при организации вечеров и развлечений, так и при проведении просветительских мероприятий. С другой стороны, образ жизни, связанный с традиционной культурой (обычаи, одежда, гендерные роли), был определен как «отсталый», грязный, некультурный. Противоречие заключалось в том, что, обозначая угнетенное положение коренного тюркоязычного населения при царской власти, советские идеологи воспроизводили тот же дискурс об отсутствии «цивилизации», неспособности к модернизации культуры. Женщина-алтайка же выступала маркером идентичности общества, выразителем местных национальных особенностей, поэтому к ней было приковано столь пристальное внимание советских пропагандистов. Именно в приобщении

женщин к «новому быту» виделась главная задача в т.ч. кампаний, развернутых в период праздников.

Знаковым праздником в календаре советской власти был 1 Мая – день интернациональной солидарности трудящихся. Именно тогда происходила активная работа по внедрению советских символов. Государственные здания украшались красными флагами, портретами вождей, на торжественных митингах и собраниях исполнялся Интернационал. Обязательной частью праздничного ритуала было посещение могил трудящихся, погибших в борьбе за революционные идеалы и свободу [Празднование..., 1925, с. 3; 1 Мая..., 1925, с. 3]. В Ойротии торжества по случаю 1 Мая особо не отличались от канона, сложившегося в центре. Однако надо отметить, что местные администраторы в ходе мероприятий обращались к «национальному вопросу».

Начиная с середины 1920-х гг. 1 Мая жестко противопоставлялось Пасхе: праздник свободных трудящихся – празднику покорных рабов [Праздник..., 1924, с. 2]. Основной целью администрации становилось привлечь как можно больше местных жителей на антипасхальные мероприятия. При этом давались установки не оскорблять чувства верующих, действовать осторожно, путем активной деятельности и насыщенности программы [О программе..., 1928, с. 3].

Накануне и в дни Пасхи проводили антирелигиозные вечера, сопровождаемые постановками спектаклей, читками в избах-читальнях, красных юртах, клубах. В те места, где были церкви, направляли кинопередвижку и демонстрировали кинокартины на улице в целях отвлечения внимания населения, прежде всего молодежи, от пасхальной службы (Госархив СПД РА. Ф. Р-55. Оп 1. Д. 77).

Давая негативные характеристики церковному празднику, на котором «участники хулиганят и занимаются пьянством», организаторы антипасхальных кампаний подробно описывали вред, нанесенный населению Алтая. Прежде всего это были картины неблагоустроенного быта алтайцев, казахов и теленгитов. В конце 1920-х – начале 1930-х гг., когда антирелигиозная риторика ужесточилась и в области стал активно действовать Союз Воинствующих Безбожников, объектом критики были избраны шаманы и ярлыкчи, согласно публикациям в местной прессе и документам, распространявшие суеверия среди коренного населения, мешавшие братскому союзу русских и алтайских тружеников.

В середине 1930-х гг. характер лозунгов и выступлений на 1 Мая изменился. В общественный дискурс была введена идеологема «Дружба народов». Отмечалось, что в Ойротской автономной области в результате успешной национальной политики Советского государства алтайский народ стал

строить национальную по форме и социалистическую по содержанию культуру, а недоверию между народами в регионе пришел конец [Самое ценное завоевание..., 1936, с. 1]. Согласно методическим указаниям, предложенным для празднования среди учащихся Ойротии, 1 Мая объявлялся днем солидарности рабочих всего мира, что должно было выразиться в дружном строительстве народами СССР новой жизни и борьбе с ее вредителями – «баями и камами» (Госархив СПД РА. Ф. 55. Оп. 1. Д. 114. Л. 154).

Еще одним праздником, пользовавшимся популярностью в Ойротии, являлся День урожая. Он был введен советской властью как замена праздников осеннего календарного цикла. Идея о проведении мероприятия возникла в 1923 г. на Всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставке, проходившей в Москве. Одним из ее кульминационных моментов стал «Праздник народов СССР». Торжество знаменовало окончание выставки и, по мысли организаторов, служило символом сплоченности этнических групп страны, сотрудничества жителей города и деревни, показывало возросший культурный и идеологический уровень населяющих Союз народов. В программу Праздника народов входило шествие делегатов выставки в традиционных костюмах, торжественный митинг-открытие, концертная программа с исполнением фольклорных номеров и постановкой обрядовых сцен (ГАРФ. Ф. Р-3920. Оп. 1. Д. 18. Л. 214). В дальнейшем было принято решение проводить этот праздник в формате Дня урожая.

Это мероприятие рассматривалось как «грандиозный Всероссийский карнавал». Он мыслился идеологами как возвращение к истокам народной культуры, воскрешение традиций глубокой древности, которые не подверглись влиянию христианской религии [Праздник..., 1923, с. 261–262]. Целью праздника объявлялось подведение итогов сельскохозяйственного года, привлечение внимания к труженикам села, создание возможности для «культурного отдыха и разумного развлечения» [Праздник..., 1923, с. 2].

В Ойротии этому событию придавалось особое значение. Так же как и во всероссийском масштабе, тон задавала Областная сельскохозяйственная и кустарно-промышленная выставка 1923 г. Именно на ней сложилась модель празднования, которая повторялась в последующем. На торжественном открытии с шествием и митингом обозначались идеологические установки на последующий год, читались лекции, проводились выставка достижений районов автономии, экспозиции «народного быта», скачки, театрализованные представления на алтайском и русском языках (Госархив СПД РА.

Ф. 1. Оп. 1. Д. 95). При этом отмечалось, что в Ойротии Праздник урожая – это праздник не только земледельца, но и хозяина айла, смотр «всего хозяйства крестьянина и туземца – алтайца. Скотоводство, охота, кедрование, пчеловодство – полноправные с земледелием его гости». Праздник урожая, согласно организаторам мероприятия, должен был обозначить среди алтайцев, теленгитов, туба-кижи необходимость перехода от кочевого к оседлому образу жизни [Праздник..., 1925, с. 1].

В дальнейшем в кампаниях по случаю Дня урожая все ярче звучала антирелигиозная составляющая. Происходила своеобразная стигматизация праздника Покрова Божьей матери, на смену которому был введен советский праздник. В прессе конца 1920-х гг. создавался неприглядный образ православного праздника, а заодно и его участников. Так, в публикации с говорящим названием «Вместо поповского “Покрова” трудовой праздник урожая» говорилось, что День урожая является праздником культуры в противовес пережиткам прошлого, пьянству и хулиганству. Кроме того, указывалось, что необходимо отвлечь крестьян от празднования Покрова, противопоставив ему «новое, интересное и полезное крестьянину» [Вместо поповского «Покрова»..., 1928, с. 3]. В районах с компактным проживанием коренного тюркоязычного населения планировалось проведение праздника урожая и коллективизации «в сопоставлении с бытовым и религиозным праздником, который сопровождается у алтайского населения усиленными камланиями, устраиваемыми в знак хорошей упитанности скота (наподобие религиозного и бытового праздника в православии Покров)» (Госархив СПД РА. Ф. 55. Оп. 1. Д. 114. Л. 115). В 1930-е гг. к антирелигиозной кампании добавились мероприятия по агитации за переход от кочевого образа жизни к оседлому. Формировались образы «старого» и «нового быта».

Частью работы по трансформации традиционной культуры стали попытки советской власти заместить обряды перехода. Так, в рамках антирелигиозных мероприятий предлагалось проводить семейные праздники по-новому. К примеру, ячейка Союза Безбожников предлагала внедрить т.н. красные свадьбы вместо тоя. Традиционную обрядовую часть предлагалось заменить собранием комсомольской ячейки, заседанием молодежи с лекциями о «новом быте». Службе в церкви была противопоставлена регистрация в Народном доме и исполнение Интернационала вместо религиозных песен, при этом подчеркивался факт равноправия супругов [Даешь..., 1924, с. 2]. Далее рекомендовалось устроить игры, конные бега – этот тради-

ционный компонент оставался неизменным, символизируя этническую специфику мероприятия. Наряду с красными тоями предлагалось внедрить и т.н. комсомольские вечеринки или ойыны. Игры, будучи частью семейных и календарных праздников алтайцев, являлись важной составляющей традиционной культуры. В рамках антирелигиозных кампаний предполагалось устраивать альтернативные мероприятия: оставив форму, наполнить новым содержанием игры, песни, подчеркнув антирелигиозный характер события (Госархив СПД РА. Ф. Р-55. Оп. 1. Д. 77).

Официальная праздничная культура в Ойротии в раннесоветский период являлась пространством для трансляции не только советских символов, но и положений советской национальной политики. В ходе праздничных мероприятий неотъемлемым пунктом было обращение к этнической специфике населения региона. При этом складывалась достаточно противоречивая картина. С одной стороны, в ходе трансформации праздничного календаря происходила интеграция элементов традиционной праздничной культуры и обрядности в новые советские праздники, демонстрировались успехи советской национальной политики в области построения советской национальной культуры алтайцев, декларировалась этническая самобытность. С другой стороны, советская власть по сути транслировала подходы к традиционной культуре, которые сложились при прошлом режиме. Несмотря на неоднократные упоминания о равенстве между народами советской страны, коренное тюркоязычное население Ойротской автономной области представлялось в роли «младшего брата», традиционные верования и элементы обрядности описывались как суеверия, свойственные непросвещенным массам. Их образ жизни рассматривался как «старый быт» – синоним бескультурья, темноты и антисанитарии. Работа по внедрению новых праздников и обрядов на Алтае носила довольно поверхностный характер, т.к. местные администраторы применяли директивы и указания, пришедшие из Москвы. В этих предписаниях ставка делалась на уже трансформированную под влиянием мировых религий культуру. Специфика праздничного календаря кочевников не особо учитывалась. Однако, несмотря на это, некоторые праздники органично вписались в праздничную культуру местного населения и, пройдя долгий путь трансформации, существуют и в настоящее время. Примером удачной формы сосуществования двух моделей праздничной культуры является Праздник урожая/Праздник урожая и коллективизации, отмечаемый с 1950-х гг. как День животновода.

Благодарности

Работа выполнена по проекту НИР № 0329-2019-0006 «Символ и знак в культуре народов Сибири XVII–XXI вв.: актуализация и стратегии сохранения».

Список литературы

- 1 Мая** в Салганде // Ойротский край. – 1925. – № 32. – С. 3.
- 8 Марта** – Международный праздник работниц и крестьянок // Ойротский край. – 1924. – № 33. – С. 1.
- Бекин А.** Вырвать алтайку из-под власти родовых обычаев и предрассудков // Ойротский край. – 1929. – № 59. – С. 3.
- Вместо поповского «Покрова»** трудовой праздник урожая // Ойротский край. – 1928. – № 74. – С. 3.
- Даешь** новый быт // Ойротский край. – 1924. – № 29. – С. 2.
- Женщина** выходит на дорогу // Ойротский край. – 1924. – № 45. – С. 2.
- Как живет** женщина алтайка // Ойротский край. – 1926. – № 17. – С. 2.
- На борьбу** со старым обычаем алтайцев // Ойротский край. – 1924. – № 45. – С. 2.
- О программе** антипасхальных вечеров // Ойротский край. – 1928. – № 28. – С. 3.
- Праздник** урожая // Сельскохозяйственная жизнь. – 1923. – № 7. – С. 2.
- Праздник** урожая // Сельскохозяйственная кооперация. – 1923. – № 7. – С. 261–262.
- Праздник** урожая в Ойротии // Ойротский край. – 1925. – № 71. – С. 1.
- Праздник** христианский и пролетарский // Ойротский край. – 1924. – № 42. – С. 2.
- Празднование** 1 Мая в Кош-Агаче // Ойротский край. – 1925. – № 34. – С. 3.

Самое ценное завоевание большевистской национальной политики // Красная Ойротия. – 1936. – № 62. – С. 1.

References

- 1 Maya** v Salgande. *Oirotskii krai*, 1925, No. 32, p. 3. (In Russ.).
- 8 Marta** – Mezhdunarodnyi prazdnik rabotnits i krest'yanok. *Oirotskii krai*, 1924, No. 33, p. 1. (In Russ.).
- Bekin A.** Vyrvat' altaiku iz-pod vlasti rodovykh obychaev i predrassudkov. *Oirotskii krai*, 1929, No. 59, p. 3. (In Russ.).
- Daesh'** novyi byt. *Oirotskii krai*, 1924, No. 29, p. 2. (In Russ.).
- Kak zhivet** zhenshchina altaika. *Oirotskii krai*, 1926, No. 17, p. 2. (In Russ.).
- Na bor'bu** so starym obychaem altaitsev. *Oirotskii krai*, 1924, No. 45, p. 2. (In Russ.).
- O programme** antipaskhal'nykh vecherov. *Oirotskii krai*, 1928, No. 28, p. 3. (In Russ.).
- Prazdnik** khristianskii i proletarskii. *Oirotskii krai*, 1924, No. 42, p. 2. (In Russ.).
- Prazdnik** urozhaya. *Sel'skokhozyaistvennaya zhizn'*, 1923, No. 7, p. 2. (In Russ.).
- Prazdnik** urozhaya. *Sel'skokhozyaistvennaya kooperatsiya*, 1923, No. 7, pp. 261–262. (In Russ.).
- Prazdnik** urozhaya v Oirotii. *Oirotskii krai*, 1925, No. 71, p. 1. (In Russ.).
- Prazdnovanie** 1 Maya v Kosh-Agache. *Oirotskii krai*, 1925, No. 34, p. 3. (In Russ.).
- Samoe tsennoe zavoevanie** bol'shevistskoi natsional'noi politiki. *Krasnaya Oirotiya*, 1936, No. 62, p. 1. (In Russ.).
- Vместо popovskogo "Pokrova"** trudovoi prazdnik urozhaya. *Oirotskii krai*, 1928, No. 74, p. 3. (In Russ.).
- Zhenshchina** vykhodit na dorogu. *Oirotskii krai*, 1924, No. 45, p. 2. (In Russ.).
- Самушкина Е.В. <https://orcid.org/0000-0001-5481-3822>